

Александр Гоноровский
тел. моб. +7 903 546 1420,
e-mail: gonor2000@gmail.com

Счастье суюмчи

Там, где речка Укса-Дыр впадает в приток Лены Калтай-Дыр, живет суюмчи-народ.
Около горы Олдын-Доор.

Олдын – главное имя у суюмчи.

Говорят, гора сама так себя назвала, когда с нее Уюл Олдын–девка прыгнула. Страшная была.
Никто ее не хотел.

Суюмчи народ ученый. Свои боги. Свои предки. Язык. Письмо. Ветки ломали – слова получались. Раньше, пойдешь в тайгу, а ветки сломанные говорят: «Дура ты Тánка, что не дала». Уже и Тánки нет давно, и ветки засохли, а народ то письмо помнит. Улыбается.
У суюмчи все по любви. Может, поэтому так мало их осталось.

Три человека.

Мужик - Васька Олдын. Баба его - Машка Олдын. И внучка их – Лемéха.

- Хорошо, что Дашка с Ивахой сначала тебя сделали, а потом соболя бить пошли, - Васька шутил.
Глядел, как Лемéха в котле солонину варит.

– Если б не сделали, пропали бы суюмчи.

А моор у Васьки маленький стал совсем.

Раньше когда шаман жив был, и народу было много - на весь левый берег Укса-Дыр. Он на бубен моор каждого парня клал, и сразу видно - можно ему жениться или пока так ходить. Бубен у шамана небольшой был. А некоторые говорили, что большой.

Если моор до середины бубна дотягивался, то разрешал шаман жену брать.

Ваське шестьдесят одна зима уже. Ему бы ночью к Машке прижаться и тепла ждать. Холод в костях просыпается. Какой там моор? Качала головой Машка. Пальцем на бубне васькин моор придерживала. А тот все равно вниз скатывался. И прятался как мышь таежный.

Не получится Ваське второй женой внучку взять. А Лемéхе уже девятнадцать.

Перестанут быть суюмчи.

Васька ружье взял, два волчьих капкана взял, бубен взял – моор мерять. На охоту пошел.

Семь дней Васьки не было. На восьмой вернулся.

Чужака принес.

- Думал в большое село пойти... На фабрику пойти... Там людей много бывает - пять, а то и семь... - говорил Васька. – А тут след встретил. Большой след... По тайге петлял... Как заяц... Путался... Сильный был... когда-то... Долго кору ел... Мох из-под снега ел... Отощал... А здорового такого живым не взять... Так...

Чужак без сознания. Горячий. Ноги капканами перебиты. Красные тряпки в сапогах.
Лицо по-звериному заросло.

Ватник, как у людей, что по тайге ищут камни и черное масло.

Спряталась Лемеха за Машку. Выглядывает. А та смеется, пальцем в чужака тычет:

- Нравится?

- Не-а...

- Лучше, чем Васька. Ноги заживут... Наверное... Глаза мягче станут... А моор хороший...

Смотри, какой моор... И картинки какие... Веселые... Тебе всю жизнь разглядывать...

На теле чужака жили синие картинки... Лемеха терла одну пальцем, когда он спал.

Не стирается.

А по тайге весна.

Олдын-Доор склонами ожил.

Шуршание. Щебет. Возня.

Укса-Дыр лед сломала. Задышала.

Рыба на берег выходить стала. Смотрит.

Васька тайгул ближе к реке передвинул. На солнышко.

У чужака ноги распухли, вонючей коркой пошли.

Глаза не открывал. Стонал.

Пришлось Ваське нож взять, плохую корку резать, горячей головешкой прижигать.

- Помрет, конечно... Может на того, кто болезни лечит, поохотиться? – шутил.

Лемеха свежий Интыль-мох собирала. Отвар к ногам чужака прикладывала.

Пить давала, подстилку меняла. Убирала за ним.

Привыкала.

Через пол луны чужак глаза открывать стал.

Глаза большие. Злые. Голодом блестят.

Он ими по стенкам тайгула водит, по войлоку, по шкурам... Будто щупает.

Голову поворачивать стал. На бок ложиться стал. Во сне бормотать.

На Лемеху смотрит, как медведь на птицу. С любопытством.

Улыбалась Лемеха.

Выздоровливает.

Васька отдельный тайгул поставил. Чужака в новый тайгул перенес.

Теперь в нем Лемеха хозяйка.

Дым курит.

Мошку гонит.

Чужака солониной кормит. Ноги ему жеваными листьями оолян растирает.

Ждет, когда вставать начнет.

Лето уже.
Под рубахой от тела туман и ожидание.
Смола на деревьях тает. Белки липнут.

Рот открыл. Вроде сказать хотел.
Наклонилась Лемеха.
- Что надо?
Тяжелый кулак у чужака.
Будто дерево-оёгюл на голову.
Темнота.

Очнулась. Голова болит. Между ног болит - мокро и холодно. Будто высморкался кто и кровью плюнул.
А чужака нет.
Ушел.

Васька назад чужака приволок. Тот не далеко ушел. На другой берег Укса-Дыр перейти хотел.
Ноги не держат. Упал. Камень головой стукнул...
Лежал в воде, как дохлая рыба...
- Может, он и не нужен? - шутил Васька. – Чего кормить? Может сделано все...
А кто знает?

Железо над тайгой летало. Крутило крыльями. Трещало стрекозой.
Чужаку железо не понравилось. Сквозь щель тайгула смотрел. Скалился.

Зеленые люди с карабинами из железа вышли.
Главный рядом с Васькой у костра сел.
Еще трое вдоль речки пошли... Рыбу стрелять.
- Чужие были? – главный спросил.
- В тайге все свои...- Васька сказал.
- Вчера с неба... Человека видели... Транспортники доложили... В речке... На камнях лежал...
Неподалеку... - главный сказал, смотрит...
Шапку с черным козырьком и золотым орлом поправил... Машке улыбнулся...
- Был человек... Мертвый совсем... – Васька кивнул. - Его с камней толкнул... Пусть к предкам плывет...
- Далеко ж ему, поганцу, плыть...
- Он уже не торопится...
Главный огляделся.

- У тебя раньше один тайгул был.
- Новый поставил. Лемéха болеет. Лежит все время.
- Хочешь, мы ее в больницу доставим?
- Пусть лежит... В больнице воздуха мало. Больных много. Стены от камня холодные.
Главный встал... Подошел к тайгулу Лемéхи, прислушался. Открыл войлок.
Лемéха лежала под шкурами. Глаза закрыты.
Машка подошла к главному, дала супу... Тот глотнул жадно... Обжегся... Ладонью язык вытер.
Снова к костру сел.

Лемеха боялась глаза открыть.
Чужак под шкурами дышал. Дыхание жаркое, а руки жесткие, как кора.
Они по Лемехе бродят. Под рубахой. По груди. И внизу.
А моор твердый. Горячий. Бедро обжигает. В руку просится.
Раздвинула ноги.

Главный ел не торопясь. Смаковал непонятное.

- Рыба?

- Землянка... - сказала Машка.

Суюмчи рыбу ловят, в землю закапывают. Ждут, пока до каши перебродит. Вкусно.

- Немой ему кличка... Охранника убили... Троем бежали... От двоих только кости остались...

Обоих съел гад... - сказал главный. - И вон куда дошел... Далеко...

Васька закивал:

- Сильный... Живучий...

- Ты ему, часом, не помог? Того... К предкам... - Главный улыбнулся, выскреб из чашки остатки, облизал пальцы. - Ну, смотри, дед... Если что - дорогу знаешь... Сообщай...

Чужак ел. Много. Живот впалый.

Улыбался.

Спереди двух верхних зубов не хватало. Два нижних снизу железом белым блестели.

Так блестели, что в них смотреться можно, как в Укса Дыр.

Лемéха глядела в железо и думала, что теперь ее дух не только в Укса-Дыр живет, но и в чужаке.

И от этого - туман под рубахой опять. И озноб.

Поел. Лег. Посмотрел на Лемéху. Похлопал по шкуре.

Легла рядом.

Лето уходит - кормит.

Олень жирный меж деревьев застрял.

Много еды.

На чужаке кожа гладкая теперь. Новая. Щеки губы в улыбку растягивают.

Любовь пришла.

Васька видел.

Лемеха с чужаком в реке. Стоят. Не касаются. Друг на друга смотрят.

Укса-Дыр Лемеху гладит. К чужаку течет. Лижет пах его теплым своим языком.

- Это когда тепло - счастье. Когда еда - счастье. Тогда и любовь - счастье. – Машка в ночь говорит.

– Сначала чужак ест. Потом любит.

Машка худая. В ней еда не держится. Умная. Правильное знает.

- Пока он по тайге бежал... Двух человек съел, - Васька сказал. – Вчера ногу оленя один съел...

Нам на семь дней такая... В нем любви много... А?

Васька прижался к Машке. Тепло прошлое вспомнил.

Осень ближе. Мошка загрустила. Пропала.

Лемеха задумываться стала. На живот глядеть. Зреет.

Чужак не говорит совсем.

У костра сядет. Внимательно смотрит.

Поест. И - к Лемехе.

Из тайгула смех ее сразу. Ждала.

А тут пропал.

Ушел утром. Ружье взял. Ляжку оленя взял.

Нет совсем.

Лемеха тихая сидит. На живот смотрит.

- Ну и хорошо, - говорил Васька. - Сам ушел... Прогонять не надо. Ляжку жалко. Ружье жалко. Его не жалко. - Шутил.

Уже лист стал в землю смотреть.

Пришел.

Ружье вернул.

Живым порохом пахнет.

Еды не принес.

Принес кольца на пальцы с камешками светлыми в которых огоньки живут, да еще три зуба тоже из железа желтого. Бесплезное все. А смотреть хочется.

Лемехе отдал.

У костра сел.

Ест.

Кровь на рукаве. Чужая.

У суюмчи счастье теперь.